

Настоящая публикация основана на издании
«Собрание запрещённых стихов и прозы». Лейпциг, 1876 год

"Русская княгиня."

Если русское дворянство утратило свое значение, то это потому что оно утратило свое достоинство. Кукольная комедія чиновъ и крестовъ не расширила ея ума, лакейство при дворѣ не возвысило ея души; но и люди независимые по своему положенію набрались какихъ-то чудовищныхъ правилъ — смесь Французскаго съ чувашскими.

– У васъ, княгиня, княжескаго только красный носъ.

– Вы дерзкій грубіань!

– Вы не любите, чтобъ васъ звали Наталіей Сергѣевной, вы любите чтобъ васъ звали княгиней.

– Вы думаете, что мы приходимъ отъ Черныхъ, а мы приходимъ отъ Серебряныхъ.

– Мишура, Ваше Сиятельство, мишура! Вы любите драгоценные камни, вы вздыхаете по вашему покойномъ муже. Миръ праху его! Хоть и говорятъ, что красовицы любятъ уродовъ и на оборотъ, но много надо было добродѣтели, чтобъ переносить вашъ характеръ.

Вы поносите вашего отца, вы говорите что онъ лютъ; ваше ли дѣло осуждать родителя? Не знаете что ли пословицы: Яицы курицу не учать? Вамъ ли рассказывать про него ужасы? Вы хвалитесь, что вы его содержите, но если не въ законахъ вашей природы, то въ законахъ всѣхъ народовъ написано, что дети обязаны давать содержаніе своимъ родителямъ, а въ Римскомъ праве отецъ могъ безотвѣтственно лишить дѣтей жизни по

правилу что кто далъ что, то и могъ отнять.

Вы браните заграничные порядки, но неужели Макарьеву подобаесть учить Парижъ? Вы дадите комунибудь двугривенной, такъ прокричите на цѣлый свѣтъ. Вы легко пылите и пыль вашъ доходитъ до неистовства; вы ломаете себѣ тогда руки, съ вами дѣлаются истерики, вы ложитесь въ постель на день на другой, и мчитесь электризмомъ. Къ вамъ тоскается спиритка-шарлатанка, вѣдьма-цыганка, которая васъ подчаесть Раскаливскими средствами, вылагаетъ вамъ въ високъ электрическія батареи, а ланиты ваши обдираетъ седативною водою.

Вы, княгиня, видите пылинку въ чужомъ глазѣ, а въ своемъ не видите бревна; прикомандировали къ вашей особѣ бѣднаго армейскаго офицера и губите его душу и умъ, а кормите его такъ плохо, что онъ похудѣлъ какъ селедка. Онъ вашъ управитель и такъ благородень, что не беретъ съ васъ копѣйки и портитъ свою карьеру изъ преданности къ камъ. Онъ видитъ вашими глазами и слышитъ вашими ушами. Вы выдаете его за *cousin* и онъ почиваетъ въ комнатѣ возлѣ васъ. Вамъ дѣла нѣтъ до того, что злые языки могутъ сказать, *les apparences sont trompeuses*. Вы старуха, а онъ омрокъ! Я ничего не хочу толковать въ дурную сторону.

Разберите ваше поведеніе со мною! Подъ личиной участія вы явились какъ соотечественница и я васъ принялъ съ радушіемъ. Я подумалъ что вы аристократка, хоть и ѣздите въ омнибусахъ. У кого нѣтъ странностей? Не вы одна отказываете себѣ въ пищѣ и тратитесь на кружева. Но что-же вышло? Вы стали говорить, что никто меня не читаетъ, не потому что непонимаетъ — не всѣхъ же я умнѣе — а потому что я человѣкъ безспособный. Судить писателя всякой имѣетъ полное право. Моя репутація составлена давно. На эту то репутацію вы и надели всѣмъ бременемъ вашей злости, и вышли пустѣйшая женщина изъ самыхъ безтолковыхъ. Съ вашимъ умомъ вы не поняли, что каждое изъ вашихъ словъ мнѣ переносилось *tout chaud tout bouillant*. Вѣдь вы относили ваши откровенія къ моимъ, а не къ вашимъ знакомымъ. Вы думали мнѣ повредить а

сдѣлали мнѣ добро. Пріятели мои такъ ужаснулись вашимъ сплетнямъ, что удвоили свое участіе ко мнѣ.

Тогда-то я позволилъ вамъ сказать, что вы живете на маленькой нотѣ и носите дѣтскіе башмаки, что ваша шляпа не чудо чудесъ и это васъ обидело больше нежели всѣ ваши брани трогали меня; кромѣ, благодарности я чувствую къ вамъ глубокое сожалѣніе. Еще при Пушкинѣ надо было очинить перо, чтобъ пустить стрѣлу, но теперь у насъ перья стальные, готовыя. У cadaго свое оружіе, у змѣи ядъ, у царей пушки, изъ которыхъ по воробьямъ стрѣлятъ не приходится, хоть будь онѣ и нарѣзные, а у бѣднаго сочинителя только перо. Я васъ подчивалъ кулебякою, вы за гостепрѣимство заплатили черною клеветою; извольте же васъ попотчивать кушаньемъ моего собственнаго приготовленія.

Кн. К.

Французская Цивилизація

Г. Пироговъ воротясь въ первый разъ, изъ Парижа въ Петербургъ сказалъ: „Мнѣ показалось, что я изъ передней вошелъ въ гостинную.“ Это сравненіе еще справедливѣе было съ Лондономъ. Но есть салоны и въ Парижѣ болѣе или менѣе недоступныя хирургамъ, которые вмѣсто галстуховъ носятъ на шеѣ носки.

Когда въ Сынѣ Отечества, въ Очеркахъ Франціи я бранилъ Францію, Полевой, никогда и невидившій сказалъ: „Вѣдь и Булгаринъ бранитъ Францію въ Сѣверной Пчелѣ.“ Для издателя Московскаго Телеграфа Франція была синонимомъ просвѣщенія, прогресса.

Я знаю Францію тридцать лѣтъ, а утверждаю, что она нейдетъ впередъ. Въ свободѣ торговли, она сдѣлала шагъ впередъ, Парижъ украсился, но Макъ Адамъ глупое изобрѣтеніе. Парижанки принуждены будутъ какъ дамы Нью-Йорка носить сапоги изъ каучука, и уже мужчины ходятъ по улицамъ въ ботфортахъ – какъ въ болотѣ. Но шоссе мѣшаетъ постройкѣ барикадъ и упрочиваетъ престолъ Наполеона III.

У Французовъ религіи какъ у кошекъ или собакъ, просто от-
вратительно. Они все дѣти XVIIIго столетія, все Вольтѣрьяны; ихъ
Богъ *Néant*; поэтому они и живутъ какъ звѣри, нѣтъ у нихъ ни се-
мейныхъ прочныхъ связей, ни точныхъ правилъ нравственности,
но есть равенство, равенство передъ франкомъ или Луидоромъ !
Заставьте Француза потерять денегъ, онъ вамъ глаза выцарапа-
етъ, заставьте его ихъ ждать, онъ придетъ въ неистовство. Мнѣ го-
ворилъ Лолякъ справедливо: – Просите у Француза его кровь, но
не просите у него денегъ. Правда у него ихъ немного, но и Пер-
реръ и Шевалье вамъ ихъ не дадутъ. Скорѣе работникъ подѣлится
послѣднимъ съ бѣднякомъ, а если у него денегъ нѣтъ, то онъ
пойдетъ заложить платье. Вообще рабочій классъ во Франціи
наилучшій; на немъ хоть образъ человѣческой, а Парижанинъ –
dandy – не то мужчина не то женщина; не то ракъ, не то рыба.

Была когда-то во Франціи учтивость, а теперь нравы стано-
вятся все грубѣе; видно, что люди страдаютъ, мучатся, и во
всѣхъ ихъ отношеніяхъ отзывается какая то горечь, недовѣріе.
Въ Парижѣ съ незнакомыми обращаются какъ съ плутами;
видно, что плутовъ больше нежели честныхъ людей.

Литература въ явномъ упадкѣ. *Les Misérables* Виктора Гюго
далеко не классическое сочиненіе. Гнъ Абу – современная
знамѣнитость – не выше посредственности. Одинъ театръ дер-
жится Ожье, Сарду, и пр.

Le Français né malin inventa le vaudeville. Журналистика
безцвѣтна. Я давно нечитаю французскихъ журналовъ,
увѣренный, что въ нихъ ничего найти нельзя.

Французскій мужикъ не знаетъ ни читать ни писать, а учится
тому и другому, делаясь солдатомъ. Говорили довольно объ
обязательномъ ученіи даромъ, но „испугашася премудрости
вснять обратишася.“ И хочется и колится; говорятъ будетъ обя-
зательно для тѣхъ, которые пожелаютъ!

Воровство принимаетъ все болѣе и болѣе колоссальные
размѣры и правильную, систематическую организацію. Бѣлье
длится шесть мѣсяцевъ а не шесть лѣтъ, ради употребленія въ
мытьѣ Eau de Javel, хлора и разныхъ веществъ сожигающихъ,

точно прачки въ заговорѣ съ „портными сорочекъ.“ Цыпленокъ стоитъ въ Парижѣ три франка, полевая курапатка тоже, заяцъ 6 фр., а въ Баваріи 6 крейцеровъ. Курить въ Парижѣ рѣшительно нечего, папиросу въ ротъ взять нельзя, а все говорятъ, что у насъ жить дороже ; но развѣ Французы живутъ, ѣдятъ? У нихъ у всѣхъ исхудалый видъ, точно кромѣ салада ничего не ѣдятъ. А топятъ то какъ! Въ неделю сожжешь на 10 фр. на кройственной квартирѣ, а прокомъ ни разу не натопить!

Мы сдуру снова здорово ввели смертную казнь, такъ что Франціи и глазъ уколоть нечѣмъ, а то поглядѣли бы какъ Помаре отрѣзали голову и какъ любители зрѣлищъ ходили смотрѣть на этотъ дивертиссементъ!

Хоть бы художества процвѣтали, а то дома строятъ какъ куриныя клѣтки, картины рисуютъ такъ, что ландшафты похожи на какую нибудь другую планету, но только не на землю – сами Французы ихъ зовутъ *des plats d'épinards*. Мессонье нарисуетъ картину франковъ въ 70, а заплатятъ ему 70 тысячъ. Янгръ у нихъ Рафаель, а Жеромъ и Роза Бонеръ не успѣваютъ рисовать на Англию.

„Не вѣрю я Француза дружба,“ сказалъ Пушкинъ, и стихъ этотъ остался глубокою истиною.

Французскихъ докторовъ бранятъ также подѣломъ; они только думаютъ какъ набить себѣ карманъ. Есть знаменитыя спеціальности, но потому именно, что они спеціальности, и дѣлаютъ они общіе промахи.

Парижъ городъ большой, но есть кварталы гдѣ больше сплетней нежели въ маленькихъ городахъ. Place Maubert также дикъ какъ Карпентрасъ или Томбукту, правду что онъ по близости дикихъ звѣрей Jardin des Plantes. Онъ даетъ одинъ болѣе дѣла полиціи нежели остальной городъ. Французъ кланяется деньгами, но съ людьми безъ денегъ обходится за панибрата.

„Какъ у Сенюшки, есть денюжки, такъ Сенюшка Семень, а у Сенюшки нѣтъ денюшка такъ Сенька черта въ немъ.“

П. П.